



## РЕЦЕНЗИИ

Sabine Busse, *Europa blickt auf Amerika - und umgekehrt?*, Europa UnionVerlag, Bonn 2003, 112 S.

В последнее время на международной арене мы наблюдаем некоторого рода напряженность в трансатлантических отношениях. Она стала особенно явной на фоне иракского конфликта. Линия раздела, однако, не проходит вдоль оси Европа – Соединенные Штаты, так как многие европейские государства, в том числе принадлежащие к Европейскому Союзу, выразили поддержку американской политике в отношении Ирака. В связи с этим, возможно, мы совсем не обязательно имеем здесь дело с разрывом трансатлантических связей, как это часто представляется в СМИ, а лишь с расхождением во мнениях между США и некоторыми европейскими государствами.

«Европа смотрит та Америку – и наоборот?» – эта публикация Сабины Буссе прекрасно вписывается в проходящие ныне дискуссии на тему застоя в трансатлантических отношениях. Она может помочь получить ответ на возникающий вопрос о том, станет ли наблюдаемое различие мнений в области международной политики, в особенности касающееся роли, которую должна играть в современном мире ООН, и способов решения иракского конфликта вкупе с широко понимаемой борьбой с терроризмом, причиной того, что дороги прежних союзников разойдутся.

Анализ, представленный Сабиной Буссе, позволяет посмотреть на нынешнюю ситуацию из иной перспективы, одновременно давая надежду на отрицательный ответ по данному вопросу. Ибо конфликты или различия во мнениях между Европой и Соединенными Штатами с разной интенсивностью возникали с момента появления Нового Света. Однако всегда находилась плоскость, на которой строилось согласие, или

приходилось дипломатически концентрироваться на других вопросах, которые возбуждали меньше эмоций.

Это касается не только являющегося предметом анализа периода 1989/1990-2000 гг., но также периода с момента окончания II мировой войны, представленного в книге в форме исторического наброска.

Достоинством этой публикации является также тщательное исследование документов и их практической реализации, с учетом влияния на нее текущих политических событий. Следование фактам позволило автору уберечься от формулирования поспешных и, как это часто бывает, поверхностных суждений и возложения вины на какую-либо из сторон. Критический анализ служит скорее извлечению выводов на будущее.

Рассматривая историю трансатлантических отношений, в ней можно выделить некоторые этапы. Первый, охватывающий период холодной войны, является временем экономической интеграции в Европе под оборонным зонтиком США. Вместе с исчезновением угрозы коммунизма Европа перестает быть зависимой от военной защиты и, обретя экономическую мощь, начинает претендовать на роль равноправного партнера в трансатлантических отношениях. Естественным следствием этой перемены стала потребность пересмотра принципов сотрудничества и приспособление их к новой политической ситуации. Следующим этапом, таким образом, является процесс адаптации, начатый в 1990 г. принятием Трансатлантической декларации, продолжением которого стало в 1995 г. появление Новой трансатлантической декларации (*NTA*) и Совместного плана действий (*JAP*).

Предметом анализа настоящей публикации являются названные документы и разнообразные общие декларации, принимавшиеся в заключение происходивших вначале дважды, а потом раз в году встреч на высшем уровне США – Европейский Союз. Этому анализу посвящены три главы, а в следующих двух автор рассматривает влияние событий 11 сентября 2001 г. на трансатлантические отношения и результативность решений, принятых в *NTA* в ответ на появляющиеся новые вызовы.

Анализируя документы и их реализацию, С. Буссе хотела получить ответ на следующие вопросы: поправили ли Трансатлантическая декларация и *NTA* трансатлантические отношения, какие стратегические последствия вытекают из

обоих документов и обеспечивают ли они успешное сотрудничество в сферах, которые такого сотрудничества более всего требуют?

Уже в начальной фазе строительства трансатлантических отношений явно было отсутствие единой позиции европейских государств не только в отношении США, но и по вопросу общей экономической политики. Среди государств ЕЭС существовали сильные опасения по поводу американского господства на европейском континенте и создания здесь рынка сбыта для американской промышленности, инвестиций и товаров без возможности противостоять практике такого рода. В результате возникла некоторая специализация: Америка сосредоточилась на гонке вооружений, в то время как Европа развивала свою экономику. Прочитированные в книге слова, сказанные в 1962 г. Дж. Ф. Кеннеди: „*In the 1950s the Europeans spent their time making money, we spent our time making bombs. A partnership in the end is going to involve an exchange between their money and our bombs*”<sup>1</sup>, - хотя и упрощенно, но передают специфику трансатлантического сотрудничества в ее начальной стадии. Последующие годы, впрочем, не принесли никаких существенных изменений в этом вопросе. Автор точно указывает многочисленные слабые места и взрывоопасные точки в этом сотрудничестве, такие, в частности, как отсутствие общей позиции государств-членов ЕЭС не только в вопросе о форме отношений с Соединенными Штатами, но и по поводу дальнейшего процесса интеграции, раздающиеся все чаще голоса, требующие обретения независимости от США, игнорирование мнения Европы в вопросе о ведении политики в отношении Советского Союза. В 60-е, 70-е и 80-е гг. нередко возникали также острые конфликты на экономической почве. Все чаще европейцы представляли свою собственную, а следовательно, отличную от американской, позицию, касающуюся событий в мире, в особенности, на Ближнем Востоке, Африке, в районе Средиземного моря и Восточной Европе. Это все вело к постепенному подрыву гегемонистской позиции Соединенных Штатов. Америке, однако, трудно было найти в ЕЭС, говорящем на многих языках, партнера. Ибо, как замечал один из отцов-основателей Евросоюза Жан Моннэ, „*America and Europe will come together as fast as Europe unites no faster*”<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> S. Busse, *Europa blickt auf Amerika und umgekehrt?*, 2003, S. 13.

<sup>2</sup> *Op. cit.*

На основании этого исторического очерка можно сделать вывод, что крепче всего партнеров по обеим сторонам Атлантики объединяла общая угроза в лице блока коммунистических государств во главе с Советским Союзом. Такое состояние продолжалось до момента падения берлинской стены, символа фундаментальных перемен в Восточной Европе, имевшего важные последствия для всего мира. Здесь возникает естественный вопрос: не утратит ли взаимное сотрудничество Европы и США своего значения после исчезновения общей для них угрозы?

Итак, несмотря на то, что европейские государства сотрудничали с Соединенными Штатами на многих и разнообразных международных форумах, в особенности в рамках НАТО, ОЭСР или ОБСЕ, изменение политической ситуации в 1990 г. дало партнерам повод для создания новых рамок трансатлантического сотрудничества. Отсутствие коммунистической угрозы, о котором автор вспоминает как существенном связующем звене этого сотрудничества, позволил Европе стать более независимой в отношении уже единственной сверхдержавы на международной арене. С американской стороны удастся заметить изменение политики в отношении все более тесно интегрирующейся Европы. Следствием этого изменения было объявление 23 ноября 1990 г. совместной Трансатлантической декларации, определяющей рамки институционального сотрудничества, происходящего на разных уровнях. Одновременно были указаны цели взаимных консультаций, такие, в частности, как борьба с терроризмом, торговлей наркотиками, международной преступностью и предотвращение распространения оружия массового поражения.

Эта декларация, однако, слишком общая в своих основах, не определяет ни способа действия сторон, ни временных рамок для реализации принятых в ее содержании целей. Возможно, поэтому она осталась лишь выражением воли обеих сторон к совместному реагированию на новые вызовы и угрозы. К сожалению, отсутствие процедур внедрения ее в жизнь значительно затруднило поиск платформы согласия между партнерами, а впоследствии также привело к немощности и безуспешности в решении возникающих проблем. Это стало особенно явно на фоне боснийского конфликта. И хотя, как замечает автор, американцы более охотно обращались к унилатеральным решениям, отчасти они это делали потому, что европейский партнер, несмотря на принятие Общей

международной политики и политики безопасности, оказался не способен ни на быструю и адекватную реакцию на возникающие угрозы, ни на выработку единой, европейской позиции в отношении этих конфликтов. На этом фоне намного более эффективны оказались билатеральные переговоры США с отдельными государствами-членами Сообщества. Здесь следует обратить внимание также на то, что эффективность трансатлантического сотрудничества зачастую зависела от того, какое государство – про- или, скажем, умеренно антиамериканское – осуществляло временное председательство в Совете Европейского сообщества.

Практика обнажила неэффективность Трансатлантической декларации и в то же время необходимость внесения изменений в документы и институты, занимающиеся трансатлантическим сотрудничеством. Ответом на слабость Декларации должны были стать Новая трансатлантическая декларация (*NTA*) и План совместных действий (*JAP*), принятые в 1995 г. Кроме анализа этого документа, автор представил также очень интересный процесс согласования его содержания, взгляды сторон на принятие отдельных решений или его формы. Сравнение положений, принятых в *NTA*, с положениями Трансатлантической декларации, позволяет утверждать, что в *NTA* обращено внимание, главным образом, на прагматический аспект, несмотря на очень близкий предметный объем обоих документов. Новым здесь является содержащийся в *JAP* каталог более 160 сфер, в которых предусмотрено как мультилатеральное, так и билатеральное сотрудничество. В списке приоритетов *JAP* содержатся следующие пункты:

- 1) поддержание мира, стабилизации, демократии и развития в мире;
- 2) готовность к ответу на глобальные вызовы, такие, как терроризм, организованная преступность, распространение ядерного оружия;
- 3) развитие мировой торговли и тесной экономической кооперации;
- 4) строительство «мостов» через Атлантику, целью которого должно было стать вовлечение в трансатлантическое сотрудничество как можно большего количества социальных групп.

Возможности, гарантируемые в *NTA*, реагирования на текущие потребности, увеличение сферы взаимных обяза-

тельств и создание рамок для ведения диалога на разных уровнях и платформах привели к тому, что *НТА* стала документом намного более полезным, чем Трансатлантическая декларация, способствуя тем самым более тесному трансатлантическому сотрудничеству. Однако следует обратить внимание на то, что, хотя *НТА* несомненно представляла собой прогресс во взаимных отношениях, вне сферы его регулирования остались такие спорные вопросы, как сельскохозяйственная и денежная политика, политика, ведущаяся в отношении т. н. трудных государств, т. е. Ирана, Ирака или Ливии.

Регуляционные лакуны *НТА* наиболее хорошо видны, когда мы анализируем их практическую реализацию, представленную в четвертой главе. На ее основании можно выдвинуть тезис о том, что относительно успешно и бесконфликтно проходило сотрудничество в сферах, как это определяет автор, второго плана, т. е. таких, как, например, проекты гуманитарной помощи в Африке, охрана окружающей среды, поддержка системных трансформаций на Украине, диалог между отдельными социальными группами Европы и Соединенных Штатов. Когда же доходило до решения таких вопросов, как конфликт на Ближнем Востоке, способы борьбы с терроризмом или экономические проблемы, на первый план выдвигались партикулярные интересы сторон, зачастую делая невозможным достижение договоренности.

Однако, с другой стороны, в рамках структур, созданных *НТА*, происходило и происходит постоянное сотрудничество на уровне рабочих групп, результаты которого, хотя и являются важными, не всегда освещаются в СМИ с той же силой, что и происходящие раз в год встречи на высшем уровне США – Европейский Союз. Из этого вытекает вывод о том, что *НТА*, создавая рамки сотрудничества и институциональные структуры для его ведения, не может никоим образом повлиять на волю сторон, от которой в конечном счете зависит достижение договоренности, но стороны при этом руководствуются зачастую желанием обеспечения собственных интересов.

Лишь встряска, которую произвели террористические акты 11 сентября 2001 г., убедила трансатлантических партнеров в том, что в мире глобальных угроз необходимо также перспективное и долгосрочное сотрудничество. Это событие привело, прежде всего, к передвижению пункта, касающегося борьбы с терроризмом, на первое место в списке приоритетов

трансатлантического сотрудничества и принятие в связи с этим ряда решений, служащих этой борьбе, улучшая, прежде всего, обмен информацией в этой области. 11 сентября убедило партнеров в необходимости существования прочных трансатлантических связей, несмотря на возникающие в ходе этого сотрудничества проблемы.

Представленный в книге анализ документов и их реализации обнаружил слабые и сильные места в трансатлантических отношениях, что несомненно позволяет улучшить их в будущем. На этом фоне явными становятся также различия, существующие между партнерами. Объединенная Европа по-прежнему имеет равноправную с Соединенными Штатами позицию в экономико-хозяйственной сфере, но Соединенные Штаты со своим четырехсотмиллиардным военным бюджетом, составляющим 40% всех мировых расходов на вооружение, остаются для Европы недостижимыми в этой сфере. Представляется, таким образом, что, несмотря на исчезновение коммунистической угрозы, перед лицом таких глобальных угроз, как мировой терроризм или распространение оружия массового поражения, Европе по-прежнему нужен оборонный зонтик США. Сделались явными также конфликты более локального характера, т. е. в бывшей Югославии. Эту ситуацию лучше всего охарактеризовал посол ПР в НАТО и Европейском Союзе Анджей Кречунович: «Экономический колосс и одновременно политический карлик, которым является Европа, по-прежнему нуждается – даже если ей это не нравится – в постоянной опеке Соединенных Штатов, в последнее время переименованных французами из супердержавы в гипердержаву. Главной причиной ведущей роли США в евроатлантическом мире является вакуум руководства, созданный самими европейцами. Европу сегодня больше заботят финансы, чем видение будущего»<sup>3</sup>.

Думается, что эти слова представляют собой прекрасный ответ на вопрос, поставленный в названии книги. Без ясного видения будущего Евросоюза и отсутствия разногласий в оборонной и международной политике, которая создается не как противовес США, а как совместный ответ на глобальные угрозы, не может быть и речи о том, чтобы США рассмат-

---

<sup>3</sup> A. Krzeczunowicz, *Krok po kroku. Polska droga do NATO 1989-1999*, Kraków 1999, s. 184.

ривали Европу как равноправного и достойного доверия партнера.

Анэта Бердыс

Sergei Medvedev, Alexander Konovalov, Sergei Oznobishchev (eds.), *Russia and the West at the Millenium. Global Imperatives and Domestic Policies*, George C. Marshall European Center for Security Studies, 2003, 162 p.

Данная работа – плод исследовательского проекта, реализованного в 1999-2002 гг. в *George C. Marshall Center for Security Studies* (Гармиш-Партенкирхен, ФРГ) и Институте стратегических оценок (Москва) при поддержке немецкого Фонда Фридриха Эберта с участием экспертов из России, Германии, Великобритании и США. Она вышла одновременно на английском и русском языках. Состоит из трех частей, названных соответственно *Dilemmas of Globalization, Domestic Contexts* и *New Interfaces*.

«Возвращение России» – вот как один из редакторов определяет девиз книги. Возвращение в мир, который Россия по собственной воле оставила в 1917 г., выбрав путь, направленный на создание альтернативной, самодостаточной политической и экономической системы. Однако это возвращение, служащее интересам как России, так и всего мира, является процессом дорогостоящим, требующим жертв, связанных с адаптацией к новым внешним и внутренним условиям. К тому же Россия возвращается в мир, в котором сейчас наступают фундаментальные перемены.

Образная метафора возвращения, напоминающая популярные в России в начале 90-х гг. лозунги «возвращения в цивилизованный мир» или «возвращения в Европу» звучит довольно неубедительно, главным образом, по причине преувеличения российской изолированности от процессов, происходивших в других частях земного шара. Тем не менее, редакторы используют эту гиперболу для целей упорядочения, объясняя ее посредством структуру книги, в которой намеревались показать столкновение российских внутренних изменений с явлениями, характеризующими современность, прежде всего глобализацией и технологическим прогрессом, в том числе информационной революцией. Авторы обосно-

вызывают выбор метода, ограничивающегося исследованием связей между глобализацией и внутренней политикой, тем, что за последние годы явно возросло значение обоих факторов в международных отношениях. Они считают, что реалистический подход с государством как основной аналитической категорией не соответствует новым условиям, связанным, с одной стороны, с развитием международных организаций, перемещением международного капитала, а с другой – с растущим значением внутренних факторов (больших предприятий и банков, регионов отдельных государств, общественных движений). Поэтому происходит процесс т. н. глокализации, состоящий в том, что глобальные тенденции манифестируются, в частности, посредством роста значения факторов локальных и региональных. Поскольку процесс глокализации пронизывает также отношения Россия-Запад, авторы тома считают необходимым исследование этих отношений именно из глобальной и локальной перспективы.

Большинство рассуждений Роберта Купера, автора первой статьи *Russia, the West and Global Civilization*, касается процесса глобализации, в том числе проблематичной, содержащейся в заглавии категории глобальной цивилизации. В конце текста автор сам замечает, что она представляет собой скорее элемент желательного мышления. Купер сожалеет об отсутствии глобального сообщества, несмотря на наличие глобального рынка. Он предостерегает от негативных последствий глобализации, порождающей все более неприемлемое неравенство. Соединяет глобализацию с американизацией как своеобразной стандартизацией политических и экономических систем по американскому образцу, примыкая к сторонникам довольно популярного, особенно в России, взгляда. В диагнозе состояния, в котором оказался современный мир, автор концентрируется скорее на новых угрозах, оставляя читателя с рядом вопросов, на которые все еще нет ответа. В контексте книги важнейший вопрос автора звучит так: каким образом Россия намерена оказаться в новом мире? Как она преодолет пропасть, как материальную, так и ментальную, отделяющую ее от западного мира? Преодолеет ли наконец свою немощь после распада СССР и определит ли заново свои намерения, соответствующие новым условиям?

В следующей статье российский автор Сергей Медведев развивает тему отставания России, представляя исторические причины российской тенденции к самоизоляции, выделения

своего государства как однородного цивилизационного целого. Со времен Ивана Грозного российское государство проводило свою миссию развития посредством территориальной экспансии, милитаризацию и мобилизацию населения, полный контроль над общественным порядком, сакрализацию власти. Гипертрофия государства стала особенно заметной в период СССР, приведя со временем к росту внутреннего напряжения, а затем к распаду сверхдержавы. Ныне Россия стала перед проблемой переопределения собственных намерений в связи с необходимостью адаптации к новым условиям, особенно процесса глобализации. Медведев считает, что пришло время решительного разрыва с привязанностью к «несметным богатствам земли русской», которые, хотя и огромны, все же ограничены; он призывает отбросить советскую гигантоманию вооружения, поскольку готовность отразить современные угрозы не требует удержания потенциала времен холодной войны. Внешняя политика современной России должна в большей мере соответствовать внутренним переменам, отражая значение экономических факторов для развития государства, содействовать связыванию России с институтами, объединяющими высокоразвитые государства. Медведев убежден, что деятельность нынешнего президента России вырастает именно из подобной оценки международной и внутренней ситуации. По его мнению, Путин якобы отбросил протрагическую дефиницию национальных интересов России в пользу функциональной, связанной с эффективностью управления, ростом благосостояния и внутренними реформами.

С такой оценкой политики Путина полемизирует Лилия Шевцова, автор статьи, открывающей вторую часть книги и названной *Putin's Russia: Challenges of Transformation and Integration*. Шевцова обрисовала эволюцию политической системы РФ от, как она это назвала, «выбиральной монархии» (С. 57) Ельцина до «управляемой демократии» Путина. Ельцин был строителем гибридной системы, в которой демократические элементы послужили модификации традиционной российской системы, сконцентрированной вокруг авторитета правителя. Понятие «выбиральной монархии» говорит о том, что демократические правила направлены на санкционирование действий исполнительных властей и, таким образом, имеют вторичный характер. Во время президентства Ельцина, по мнению автора, произошло неупорядоченное делегиро-

вание полномочий, прежде всего, органам региональной власти. Президент Путин начал демонтаж системы, созданной его предшественником, форсируя большую централизацию власти, особенно путем концентрации широкой сферы полномочий в руках главы государства. Шевцова провозглашает тезис о переходном, по-прежнему очень нестабильном характере российской политической системы. Достаточно, впрочем, взглянуть на трудности, которые сам автор испытывает при определении ее природы. Вначале он утверждает, что системе, создаваемой Путиным, «еще далеко до авторитаризма» (С. 60), чтобы далее назвать ее «квази-авторитаризмом» (С. 61) с чрезмерно раздутым объемом компетенций президента при ограниченном значении остальных институтов, особенно парламента. Автор считает, что долговременное сохранение системы в нынешней ее форме негативно повлияет на внутреннее развитие России. С целью иллюстрации этого тезиса она представляет много аргументов, например, такой, что любой кризис исполнительной власти может привести к «эффекту домино» и дестабилизации всей системы по причине незрелости других институтов, служащих взаимоуравновешиванию и взаимоконтролю. Автор предостерегает от возникновения фасадной системы, в которой существовала бы «имитация свободных выборов, имитация политического плюрализма, имитация парламента и имитация гражданского общества» (С. 65). Оценивая влияние событий 11 сентября 2001 г. на дальнейшую российскую политику, автор рекомендует осторожность, считая, что поворот в сторону Запада в иностранной политике еще не переродился в явное ускорение либерально-демократических перемен, хотя и дает основания для оптимизма.

В статье *Internal Actors and Russian Foreign Policy* Алексей Салмин развивает определенные мотивы, затронутые предшественницей, касающиеся субъектов, принимающих участие в процессе принятия и исполнения решений в иностранной политике РФ в условиях институциональной нестабильности, характерной для российской администрации. Автор задумывается над причинами появления, как условно определяют это разные эксперты, «многих иностранных политик России». Он анализирует объем компетенций, доверенных отдельным государственным органам конституцией в области иностранной политики, кратко, но компетентно представляет место, которое в формировании иностранной политики, кроме орга-

нов исполнительной власти, занимают парламент, политические партии, региональные власти и даже Русская православная церковь. Пытаясь обобщить некоторые явления, имевшие место в иностранной политике РФ в 1991-2001 гг., Салмин указывает три черты: пассивность органов власти в текущих делах при импровизации в кризисные моменты, неустанный поиск координирующего органа (одним из плодов поиска был Совет безопасности РФ), большое значение личного фактора (например, личности и взглядов министра иностранных дел). Несмотря на многочисленные критические замечания по поводу существовавшего до сих пор способа ведения иностранной политики, Салмин выражает надежду, что в ближайшие годы, возможно, удастся прекратить непродуктивные дебаты о неясной «национальной идее» и вместо этого налаживания механизма концептуализации и реализации российских национальных интересов.

В закрывающей вторую часть статье *What Drives, What Stalls the Russia-Policy in the West?*, помещенной в качестве исследования случая, Ганс-Иоахим Шпангер проводит анализ германо-российских отношений с особым учетом места России в иностранной политике ФРГ. После обширного исторического введения автор приступает к атаке существовавшей до сих пор политики Германии, а точнее, ее отсутствия, поскольку, как он доказывает, отдельным правительствам Германии не удалось, несмотря на имитируемую активность, выработать политическую концепцию не только в отношении России, но и всего постсоветского пространства. Шпангер утверждает, что, с одной стороны, весь западный мир по-прежнему живет в тени потенциальной российской военной угрозы, а с другой – культивирует в себе чувство цивилизационного превосходства. Многочисленные доказательства глубокого кризиса российского государства и жесткой ограниченности его возможностей не смягчают первого ощущения, а лишь усиливают второе. Кстати, автор совершенно не замечает, что российские власти, в свою очередь, многократно давали пример анахроничной привязанности к наследию холодной войны, упрямо добиваясь особого к себе отношения и «приглашения», как бы за заслуги, к участию в европейском и трансатлантическом процессе интеграции. Шпангер отрицательно оценивает существовавшую до сих пор политику ЕС в отношении России как патерналистскую, миссионерскую, даже неокOLONиальную, концентрирующуюся на требова-

ниях, условиях, неприемлемых для российской стороны. Шанс на отказ от амбивалентной позиции в отношении России он видит в ускорении развития экономического сотрудничества и усилении контактов между обществами, именно в этих сферах за последние годы достигнут успех. Текст Шпангера, несмотря на одностороннее представление проблемы и некоторой чрезмерности в формулировании оценок, подчеркивающих почти исключительно немецкие просчеты, заслуживает внимания именно по причине отказа автора от сдержанности и заострения некоторых вопросов, что вынуждает читателя занять определенную позицию.

В третьей части работы помещены размышления о внешних условиях, детерминирующих российскую политику. Речь идет о процессе глобализации, особенно в ее экономическом, технологическом и информационном аспекте. В первом тексте *Shifting Sands: Political Economy of Russia's Relations with the West* Петер Рутланд анализирует экономические аспекты отношений России с государствами Западной Европы и США. Он использует метафору «зыбучих песков» для подчеркивания нестабильности российской экономической системы в течение более десятка последних лет. Автор рассматривает эволюцию восприятия России западными инвесторами, от энтузиазма начала 90-х гг., последующего разочарования углубляющимся кризисом и отсутствием реформ до отмечавшегося в 2000 г. роста заинтересованности и постепенного восстановления доверия к российскому государству. Рутланд анализирует характерные черты российской экономики, называя среди них утечку капитала, зависимость от доходов от экспорта энергетического сырья, девальвацию рубля, государственное регулирование цен в нескольких важных секторах и нездоровую банковскую систему (государственный Сбербанк хранит 85% депозитов и выделяет почти 40% всех кредитов в России).

С анализом Рутланда тесно связана следующая статья, рассматривающая уже исключительно проблему интеграции России с мировой экономикой. Авторы, Евгений Гавриленков и Вольфрам Шреттл, вначале анализируют перемещение товаров, услуг, капитала и лиц между Россией и западными государствами, чтобы затем перейти к институциональным аспектам сотрудничества России с Европейским Союзом и Всемирной торговой организацией. По мнению авторов, основной проблемой российской экономики является отсутствие соответствующих условий для привлечения иностранных

инвестиций при значительном экспорте капитала и ресурсов и тем самым уменьшения средств, необходимых для ускорения развития. Принятие Россией норм ВТО и ЕС, по мнению авторов, помогло бы изменить эту невыгодную тенденцию. Однако авторы выдвигают тезис о том, что по причине долговременного характера структурных и институциональных реформ в России вероятно возникновение системы отечественных чеболей, тесно связанных с государством. Перераспределение собственности, заключающееся в поглощении нефтяными гигантами предприятий других секторов экономики при сильной поддержке государства может за короткий период принести выгоду. Однако авторы отмечают, что в долгосрочной перспективе дальнейшая концентрация капитала в руках десятка промышленно-финансовых групп может отрицательно повлиять на развитие банковского сектора, малых и средних предприятий и, таким образом, фундаментальных составных частей либеральной модели (С. 134).

В последней статье *Russia, the West and Information Revolution: Overcoming the Digital Divide* Иеремия Азраэль и Д. Дж. Петерсон размышляют о месте, в котором находится Россия, если говорить о создании информационного общества, одного из элементов ответа на вызовы современности. Сначала оговариваются деятельность государства, правительственные стратегии и другие программы развития высоких технологий (программа *e-Russia*). Авторы указывают на растущие диспропорции (*digital divide*) в развитии сектора ИТ между Россией и Западом. По причине недостатка средств и «утечки мозгов» Россия все больше теряет дистанцию, и не только по отношению к самым развитым государствам. Азраэль и Петерсон перечисляют вопросы, которые появляются в связи с развитием сектора ИТ в России. Последуют ли за государственными программами соответствующие средства? Должно ли инвестирование в этот сектор быть сегодня для России приоритетом, учитывая, что выгода будет чувствоваться лишь по истечении долгого времени? Располагает ли Россия преимуществами, дающими гарантию того, что она справится с конкуренцией и станет серьезным инноватором в этой области? По мнению авторов, ответов на эти вопросы пока нет.

Работа, изданная Европейским центром Джорджа Маршалла, заслуживает внимания, прежде всего, с точки зрения очень глубокого анализа ситуации, в которой ныне находится Россия. Авторы, к счастью, не останавливались на размыш-

лениях о последствиях отдельных событий, реферировании истории отношений России с Западом, а сумели указать на взаимосвязь внутренних процессов в России с процессами, главное течение которых находится за ее пределами, главным образом, в высокоразвитых странах. Они не пытались ответить на ритуальный вопрос, принадлежит ли Россия к Европе, а сосредоточились на обрисовке взаимозависимости, откровенно говоря о явной асимметрии между возможностями и ожиданиями как у России, так и у ее партнеров. Сборник представляет собой однородное и упорядоченное целое, чего достичь было нелегко, учитывая масштаб проблематики.

Эрнест Выцишкевич

El Hassan bin Talal, *Das Christentum in der arabischen Welt*. Mit einem Vorwort von Hans Küng, Wien, Köln, Weimar: Böhlau-Verlag. Übersetzung Beatrix Immenkamp, 112 S.

Необходимая книга, появившаяся вовремя! Кто только не слышал о тезисах гарвардского политолога Сэмюэля Хантингтона о борьбе культур! Предвосхищая основную идею книги, сразу скажем, что она представляет собой страстную речь в защиту мультирелигиозного арабского восточного общества, придерживающегося лучших традиций мусульманской терпимости по отношению к «религиям Писания» (т. е. иудаизму, христианству и исламу), написанную прямым потомком пророка Мохаммеда в 42 поколении. Это книга, которая рассматривает двухтысячелетнюю традицию, представленную 10 млн. христиан в арабском мире, как явление уникального культурного обогащения и как шанс для обществ Востока.

Существование христианства, независимого от Запада и его военной силы, на протяжении многих веков находившегося в конфронтации с исламом и не являвшегося частью расширения колониальных владений стран Запада в Азии, Африке и Латинской Америке, имеет важное значение как для будущей политики терпимости в Европе, так и для осознания своей сути христианами во всем мире. Западное христианство, католическое и протестантское, в эру европейской экспансии, начавшейся с 1492 г., действительно распространилось по всему миру

вместе с колониальным могуществом испанцев, португальцев, голландцев, французов и англичан.

Не случайно колониальная экспансия в заокеанские страны началась 3 августа того судьбоносного 1492 года, 2 января которого жертвой *реконкисты* пала Гранада, последний крупный мусульманский город Испании, а 31 марта испанские евреи были принуждены к эмиграции.

Прежние теологи церкви народа от епископа Бартоломе де лас Касаса (1474-1566) до создателя «теологии освобождения» Густаво Гутьерреса страдали от этого первородного греха распространения христианства вместе с колониализмом во внеевропейских регионах мира. Миллионы людей, в особенности рабов из Африки и индейцев Америки, превратились в жертвы колониальной системы. По оценке американского политолога Рудольфа Раммела, жертвами геноцида работорговли стали 17,3 млн. африканцев, а жертвами колониального геноцида – 13,8 млн. индейцев. Экономические и социальные структуры бывших колоний остались и по сей день деформированными и ориентированными на потребности «центра».

Церковь Востока – «особый случай» не только в теологическом, но и в историческом отношении, так как она на протяжении 2 тысячелетий представляет христианство без колониализма и так как она является не частью западной культуры, а вписана в культуру Востока, из которой изначально и происходила.

Автор рассматриваемой книги, иорданский гуманист, ученый и государственный деятель, родившийся в 1947 г. младший брат покойного короля Хусейна и после своей учебы в Оксфорде написавший ряд важных трудов, которые были переведены на многие западные языки – „*To be a Muslim*“ («Быть мусульманином»), „*A Study on Jerusalem*“ («Исследование об Иерусалиме») и „*Search for Peace*“ («В поисках мира») (Macmillan, 1984), является сегодня одним из видных поборников международного и межкультурного диалога.

Путь, по которому Эль Хасан бин Талал ведет читателя, начинается с вопроса: что такое христианство? Христианство – это вера, предполагающая, что Иисус – истинный Мессия израилев, явившийся в мир в качестве «Христа», чтобы спасти не только свой собственный народ, но также, во исполнение библейских пророчеств, и все человечество (С. 15). На следующих страницах Эль Хасан излагает историю церкви I христианского тысячелетия с ясностью, редко встречающейся

в литературе. Учитывая позднейшие мусульманские традиции, в соответствии с которыми Иисус из Назарета представлял собой хотя и пророка, но не божественную личность, автор излагает раннюю полемику между приверженцами «монофизитства» (они предполагали, в отличие от современного западного христианства, что Иисус из Назарета обладал только божественной или только человеческой природой), и другими христианскими исповеданиями. Мы узнаем об общинах апостолов Иакова и Фаддея и с учетом позднейшей мусульманской теологии понимаем, наконец, сколь велик был параллелизм в развитии многочисленных восточных христианских церквей и ислама начиная с 622 г.

Автор изображает такие события, как Никейский собор 325 г. или раскол с православной церковью в 1054 г., в их современном значении для истории духовной жизни, т. е. в их значении с точки зрения мусульманско-христианского диалога. Дальнейшее развитие восточных церквей, включая их многочисленные унии с Римом, а также история коптов в Египте показаны весьма доходчиво, причем автор никогда не впадает в пристрастность. В книге рассмотрено и воздействие Реформации и реформатского миссионерства на восточных христиан. Для западных читателей будет интересно и четкое осмысление того факта, что во время крестовых походов и в последующие эпохи христиане Востока приняли решение выбрать статус покровительствуемых.

Крайне неожиданным может показаться, вероятно, и тезис Эль Хасана бин Талала о том, что при взгляде с общеарабской точки зрения отношения церквей, находившихся в унии с Римом, к арабскому национализму XIX-XX вв. и их самосознание были куда менее проблематичными, нежели церквей, не находившихся в такой унии.

Заключительная глава книги, содержащая указатель предметных рубрик, указатели иностранных слов и цитат из Библии, а также хронологическую таблицу, представляет собой анализ положительной роли христиан в современном арабском мире. Именно путь страданий, которым следуют христиане в оккупированном и разбомбленном Ираке и в оккупированной Палестине, придает книге дополнительную актуальность. Крупный палестинский мыслитель и англиканский христианин Эдвард Саид, умерший в 2003 г., выдвинул в своей известной работе об «ориентализме» тезис, согласно которому Запад всегда проявляет склонность к искажению образа Востока. Иорданский государственный

деятель Эль Хасан бин Талал написал книгу, суть которой сформирована по ту сторону искаженных образов, книгу небольшую, но важную для всех читателей, интересующихся диалогом культур и Средним Востоком, для читателей, осмысливающих немецкие тексты в Европе XXI в.

Арно Тауш

Andrew Geddes, *The European Union and British Politics*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, 2004, 252 p.

Почему Великобритания не может быть более европейской, а Европа более пробританской? Этот и другие фундаментальные вопросы ставит перед собой Эндрю Геддес в изданной недавно книге *The European Union and British Politics* («Европейский Союз и политика Великобритании»). Книга вышла в известной научной серии (*Contemporary Political Studies Series*), посвященной анализу разных аспектов общественно-экономической жизни Соединенного Королевства, и касается эволюции британской позиции по отношению к европейской интеграции, начиная с 50-х гг. XX в. и заканчивая современностью.

Рост европейской интеграции в новом свете показывает проблематику места и роли отдельных государств-членов ЕС в Европе и мире, подвергая проверке дееспособность их экономических систем и организацию правового порядка. На протяжении последнего пятидесятилетия Великобритания прошла в этом отношении специфический путь: от отрицания самой идеи европейской интеграции и пребывания за пределами Евросоюза, через постепенный рост своей роли в Европе и по сегодняшнюю позицию одного из ведущих членов ЕС. *The European Union and British Politics* Эндрю Геддеса представляет собой хронику этого процесса. Представление пути Великобритании к сегодняшним структурам Европейского Союза – как на этапе до подписания соглашения о вступлении (до 1973 г.), так и в годы членства (после 1973 г.) – содержит тщательный анализ отношения британцев к евросоюзным институтам, бюджетной политике ЕС и общему рынку, совместной европейской валюте и социальной политике, а также к Совместной аграрной политике, Европейской политике безопас-

ности и обороны и к первым шагам общей внешней политики ЕС. При этом автор учитывает мнения и евроскептиков, и евроэнтузиастов, а одним из центральных вопросов его размышлений является – чрезвычайно существенная для британцев – проблема сохранения национальной идентичности, а также как можно большей автономии в области экономической и социальной политики.

В книге содержится не только ясное сопоставление самых важных фактов в европейской политике Соединенного Королевства, но также богатый статистический материал, иллюстрирующий представляемые направления и явления. Больше всего интересуют автора такие вопросы, как демографическая ситуация в Великобритании на фоне других европейских стран, уровень ВВП (в целом и на душу населения), структура и результаты британской внешней торговли в обмене с другими государствами ЕС и мира, объем и распределение евросоюзных финансов, получаемых Соединенным Королевством, явка на выборы в Европейский парламент, а также величина британских взносов, уплачиваемых в бюджет Евросоюза. Хронологическое и тематическое сопоставление касается, в частности, очередного расширения ЕС, наиболее существенных соглашений и их положений в процессах развития и реформирования ЕС, персонального состава самых важных евросоюзных институтов, разделения голосов в органах ЕС, ответственных за принятие решений, расклада политических сил в Европейском парламенте, а также функциональной взаимозависимости отдельных евросоюзных структур, в том числе деятельности британского представительства при Европейском Союзе. Статистические данные (в виде таблиц и диаграмм) обогащены доступными результатами опросов общественного мнения, которые проводились в последнее время, а также в минувшие годы на территории Соединенного Королевства. Они учитывают прежде всего отношение респондентов к принципам и способу принятия решений в Евросоюзе, а даже самой сути членства Соединенного Королевства в ЕС, что косвенным образом говорит о размерах евроскептицизма в британском общественном мнении. Ибо приводимые в книге исследования касались не только знания евросоюзных институтов среди участников опроса, но также уровня доверия к евросоюзным структурам, а также вообще проявляемого интереса к делам Евросоюза. Автор сравнивает британские исследования с результатами в других

государствах ЕС, составляя таким образом целостную картину отношения граждан Соединенного Королевства к процессу европейской интеграции.

В отличие от ангажированной позиции британских политиков – и со стороны правительства, и связанных с парламентской оппозицией – отношение граждан Соединенного Королевства к европейским делам наделено намного большим скептицизмом. Преобладающий в британском обществе евро-скептицизм своими корнями связан с заметным отсутствием заинтересованности евросоюзной проблематикой вообще и открыто заявляемым незнанием структур и механизмов деятельности ЕС. Знаменательно то, что на такой порядок вещей британские масс-медиа – сильно вовлеченные в дискуссию на тему Европы уже многие годы – имеют весьма небольшое влияние. Следует при этом отметить, что это влияние имеет по идее скорее евроскептический характер. Значит, недоверие к Европе имеет более глубокие корни и восходит ко времени, когда СМИ еще не играли доминирующей роли в формировании общественного мнения.

В раздумьях Эндрю Геддеса косвенным образом обнаруживается, однако, более сложная картина современной Великобритании – государства с большой динамикой перемен, сильно опирающегося на многовековую историческую традицию, но одновременно удивительно современного и открытого к сложным вопросам современности. Политика Великобритании в сфере европейской интеграции – это несомненно интересный пример прагматического приспособления к изменениям в геополитическом окружении. Среди основных вопросов, которые ставит автор, прежде всего следует назвать следующие:

- Какие факторы мотивировали и мотивируют сегодня британскую активность на форуме Европейского Союза?
- В какой степени очередные правительства Соединенного Королевства сумели применить свои приоритеты в европейской политике с целью эффективных действий по отношению к партнерам в Европе?
- Как успехи европейской интеграции повлияли на организацию британской политической системы?
- До какой степени общественно-политическая система Соединенного Королевства перекрывается с параллельными структурами в отдельных государствах расширенного ЕС?

– Не входят ли в противоречие живые интересы Великобритании с интересами отдельных партнеров в Европе и приоритетами Европейского Союза в целом?

По мнению автора, влияние европейской интеграции на политику Соединенного Королевства на протяжении последнего тридцатилетия можно назвать ключевым. Однако уже намного раньше, непосредственно после окончания второй мировой войны, Великобритания совершила свой первый принципиальный выбор по европейскому вопросу, оставаясь за рамками начинающейся интеграции и предпринимая вместо этого безуспешную, как потом оказалось, попытку восстановления разрушенной сферы влияния фунта стерлингов (т. н. *Sterling Area*)<sup>4</sup>. К 50-м годам прошлого столетия восходят также три столпа британского отношения к Европейскому Союзу на пороге XXI столетия. Во-первых, преимущество межправительственного сотрудничества (*intergovernmentalism*) перед сверхнациональным (*supranationalism*), соединенное с программным недоверием к федеративным решениям. Во-вторых, поддержка свободной мировой торговли в условиях экономической либерализации, независимо от идеологической ориентации правящего кабинета. В-третьих, соединение живых интересов Соединенного Королевства в целом прежде всего с выгодными трансатлантическими отношениями (т. н. *special relationship* с США).

На фоне таким образом намеченного расклада сил автор представляет два параллельных тематических русла книги: Великобритания в Европе (*Britain in Europe*) и Европа по отношению к Великобритании (*Europe in Britain*). Первый из них можно свести к вкладу Соединенного Королевства в европейские интеграционные процессы, второй – это постепенная европеизация (*Europeanization*) британской политики, понимаемая как применение интеграционной политики к вопросам внутригосударственным в разных аспектах – законодательным, институциональным, общественным, а также в сфере национального идентитета.

---

<sup>4</sup> Присоединение Великобритании к ЕЭС имело место в 1973 г. после горячих споров в стране во время правления консерваторов с Э. Хитом во главе. Лишь спустя два года состоялся по этому вопросу референдум, что произошло во время правления лейбористской партии Г. Вильсона. Тогдашний этап расширения охватил, кроме Великобритании, Данию и Ирландию.

Правящая с мая 1997 г. реформированная лейбористская партия Э. Блэра определяет свое отношение к европейским делам как «конструктивное вовлечение» (*constructive engagement*). Воспринимаемая как беспрецедентно – в британских условиях – проевропейская партия, она по-прежнему верна названным выше трем традиционным столпам европейской политики Соединенного Королевства. А это означает на практике, что сегодняшние контакты с Европой требуют от Великобритании особенной доли вовлечения, все с целью согласовать активную позицию в европейской интеграции с защитой важных государственных интересов. Отсюда столь большое значение, придаваемое европейским делам на уровне правительства и парламента, а также столь большая активность британцев в переговорах в институтах ЕС и в билатеральных контактах с европейскими партнерами.

Как верно замечает Геддес, ключевым вопросом в успешно проходящей реформе ЕС правительство Соединенного Королевства считает рост конкурентоспособности евросоюзной экономики посредством либерализации рынка и модернизации процессов производства. Оно пользуется в этом случае опытом британской экономики, которая благодаря дерегулировке экономической системы и поддержке новых технологий стала за последние десять лет лидером проэффективных экономических изменений в Европе. Отдельной проблемой, однако, остается всё еще открытый вопрос возможного присоединения Соединенного Королевства к зоне евро. Оставаться за пределами системы общей европейской валюты – несмотря на выполнение необходимых критериев участия – означает, как декларирует британское правительство, сохранение автономии в масштабе макроэкономической политики. И эту позицию поддерживает преобладающее большинство населения и большая часть экономических кругов, правительство же обещает провести в ближайшие годы общенародный референдум по этому вопросу.

По сравнению с минувшим тридцатилетием, эффективность нынешнего лейбористского правительства в деле построения компромисса с ЕС представляется важным и неоспоримым достижением. Открытым является вопрос, скажется ли проевропейская ориентация кабинета Блэра на сохранении избирательных шансов в столкновении с упомянутым выше глубоко укоренившимся евроскептицизмом части оппозиции и большинства общества. Время покажет, насколько

постулируемое этим правительством «конструктивное вовлечение» (*constructive engagement*) на самом деле заменит доминирующий в прошлые десятилетия «условный и дифференцированный подход» (*conditional and differential engagement*), характерный особенно для консерваторов М. Тетчер (1979-1990) и Дж. Мейджора (1990-1997).

Книга Эндрю Геддеса адресована в первую очередь британскому читателю, хотя затрагиваемые в ней вопросы и способ аргументации подсказывают, что автор принимает во внимание точку зрения «континентального» читателя, стараясь выходить навстречу многим вопросам и сомнениям, характерным для лиц, живущих за пределами территории и культурных кругов Соединенного Королевства. Несмотря на большой фактографический материал, очень подробный и точный специальный анализ, книга адресована широкому кругу читателей. Она может привлечь внимание как политологов, историков, так и социологов и экономистов. Это очень ценная позиция для всех, кто интересуется британской проблематикой, особенно в ее международном аспекте. Несомненным достоинством книги является ее относительно небольшой – для столь широкого спектра вопросов – объем (всего 252 страницы), что возможно благодаря большой лаконичности и дисциплинированному языку автора. Еще одним достоинством является ясная конструкция книги, с богатой структурой глав, разделов, а также прекрасно составленным указателем и богатой библиографией. Ценным подспорьем для читателя являются итоговые заключения отдельных фрагментов текста, а также довольно обстоятельные окончательные выводы.

Каролина Бальцеровска-Кватерска

Lamo de Espinoza Emilio, *Bajo puertas de. El nuevo desorden internacional*, Taurus, Madrid 2004, 205 с.

Проблема Ирака возбудила в Испании острый конфликт между мнением общества, возражающего против интервенции, и правоцентристским правительством Хосе Марии Азнара, который принял решение о поддержке Соединенных Штатов. На рубеже 2002 и 2003 гг. это привело к многочис-

сленным демонстрациям, в которых, наряду с пацифистами и антиглобалистами, участвовали националисты, социалисты и не самая малая часть консервативных правых сил. Как показывают исследования, в ноябре 2002 г. свыше 60% населения было против интервенции, в то время как в феврале 2004 г., через несколько месяцев после окончания военных действий, свыше 88% считали, что война в Ираке не принесла положительных результатов.

Королевский институт международных и стратегических исследований Элькано (*El Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estrategicos*) включился в дискуссию на тему Ирака и был одним из немногих научных институтов, которые одобрили решение правительства. В связи с изменениями на испанской политической сцене книга Эмилио Ламо де Эспинозы, директора Института Элькано и профессора социологии в Университете Комплютенсе в Мадриде, заслуживает, как представляется, внимания. Правда, книга была завершена до трагических событий в Мадриде 11 марта 2004 г. и парламентских выборов 14 марта, которые принесли победу партии *PSOE*, а также привели к изменению направления испанской внешней политики и политики безопасности, но автор в кратком эпилоге подтверждает верность своих оценок.

Ламо де Эспиноза задумывается в своей книге над новым «беспорядком» в мире и пытается ответить на вопрос, каким образом навести в нем порядок. Он выдвигает гипотезу, что сочетание униполярности и мультилатерализма будет способствовать правлению миром (*gobernabilidad del mundo*). Он пытается склонить читателя к своей точке зрения, ссылаясь на историю, анализируя последствия терактов 11 сентября и рассуждая на тему новой международной ситуации. Несомненным достоинством книги является непосредственное, иногда даже резкое обнажение действительности и взаимоотношений между государствами, которое привлекает к книге и свидетельствует о том, что о международных отношениях можно писать интересно и нешаблонно.

Книга состоит из трех частей. В первой автор рисует картину эволюции международной обстановки на протяжении последних 350 лет. Начинает с состояния после Вестфальского мира в 1648 г. с главной ролью Европы, состоящей из суверенных государств, которые относились друг к другу как к международным субъектам. Этот т. н. классический порядок,

чертой которого были мультиполярность и стремление к сохранению равновесия сил, уступил место биполярному порядку, который возник после второй мировой войны и сохранился до конца 80-х гг. XX в. Европа стала тогда – в 1950-1989 гг. – стратегической территорией, на которой соперничали две супердержавы – США и СССР. Как отмечает автор, Европа пережила эволюцию от «макиавеллистического реализма и концерта супердержав [...] до международного права и *rule of law*» (С. 34), в то время как Соединенные Штаты отказались от изоляционизма и антиимпериализма XIX в. в пользу внешней ангажированной политики с опорой на силу. Эта чрезвычайно интересная концепция послужит объяснению кризиса в трансатлантических взаимоотношениях на рубеже 2003 и 2004 гг. Первую часть своей книги автор завершает краткой рефлексией на тему окончания холодной войны и мировой обстановки в 90-е гг., определяемых как десятилетие «благоклонной униполярности» и сопоставляемых со «счастливыми двадцатыми годами».

Несомненной цезурой для автора представляемой книги, равно как и для большинства аналитиков и политиков, является 11 сентября 2001 г. Над последствиями терактов в Соединенных Штатах Ламо де Эспиноза задумывается во второй части книги. И заключает, что эти события способствовали более полному пониманию международного порядка, формирующегося с момента окончания холодной войны. Сегодня его характерной чертой является униполярность, а также замена классических угроз новыми, среди которых выделяется прежде всего новый терроризм.

Убежденный в необходимости борьбы с терроризмом, Ламо де Эспиноза тем не менее критически оценивает реакцию США на покушения 11 сентября как преувеличенную, с чем, вероятно, не согласится большинство американских и даже польских читателей. Признавая оправданной кампанию в Афганистане, он критически отзываясь о превращении террористической угрозы в элемент, детерминирующий не только внешнюю политику США в целом, но также их политику внутреннюю. Это привело, как он полагает, к радикализации унилатерализма, замене доктрины устрашения превентивной войной, а также к укреплению униполярности. Это привело также к серьезному искажению гражданского права в США.

В контексте сказанного следует обратить внимание на размышления автора о превентивной войне, которая, по его

мнению, расходится с международным правом и Декларацией Объединенных Наций. Сознание результатов теракта при одновременном ожидании его же с целью оправдания применения силы и ограниченные возможности устранить террористическую угрозу с помощью военного устрашения или превентивной дипломатии, а также закрытие границ государства, подвергающегося этой угрозе, заставляют задуматься над способами борьбы с терроризмом. В этом случае автор допускает возможность не войны, а превентивной акции против терроризма, которая следует из права на самозащиту, согласно со статьей 51 Декларации ООН.

Автор считает, что к войне в Ираке привела американская «мания безопасности» (С. 64), с которой сопряглись такие факторы, как предположение о связях Саддама Хусейна с Аль-Каидой, невозможность разоружения Ирака под эгидой ООН, демонстрация решимости США в борьбе с терроризмом, убеждение в необходимости демократизации арабских стран, являющихся средоточием терроризма, растущая энергетическая зависимость США от этого региона, частные интересы нефтяников, а также план решения израильско-палестинского конфликта.

Как считает Ламо де Эспиноза, интервенция в Ираке была оправдана если не с точки зрения превентивной войны и явной угрозы терактом, то с точки зрения борьбы Объединенных Наций с распространением ядерного оружия. Однако проведение ее без мандата ООН было нерациональным, тем более что все произошло вопреки общественному мнению. Одновременно автор отмечает, явно критически, что преувеличенной реакции США сопутствовала несоразмерная реакция Европы, не способной полностью оценить значение покушения 11 сентября. Столкновение этих двух позиций, вытекающее в большой степени из упомянутой выше эволюции европейской и американской политики в период холодной войны, привело к разногласию, что и разделило Запад.

В третьей части своей книги Ламо де Эспиноза возвращается к теоретическим аспектам международного порядка и размышляет о факторах, способных облегчить дело управления миром, в котором глобализация породила проблемы, разрешение которых требует уже не только государственных действий, или даже не региональных, но всемирных, в масштабе земного шара. События последних лет, особенно теракты 11 сентября и война в Ираке, доказали, что необхо-

димо искать более эффективные методы борьбы с международным терроризмом и с другими видами угроз, такими, как распространение оружия массового уничтожения, непредсказуемость ситуации в т. н. распавшихся государствах, нелегальная торговля людьми, наркотиками или оружием, организованная преступность, отмывание денег, международная миграция, нестабильность финансовых рынков, экологическая и эпидемиологическая угрозы.

Решение, принятое в Ираке, являющееся своего рода попыткой унилатерального управления миром, обернулось серьезным международным кризисом, а также отрицательно сказалось на образе Соединенных Штатов. Принимая во внимание, что ООН остается неэффективной организацией, а существующий международный порядок является униполярным, автор предлагает несколько решений, смягчающих негативные стороны унилатерализма и способствующих тем самым лучшему политическому функционированию мира.

Во-первых, он высказывается за реформу Совета Безопасности ООН, в который должны быть приглашены набирающие мощь государства (Индия, Китай) и даже международные образования (ЕС). Подчеркивает также необходимость актуализации записи в Декларации Объединенных Наций относительно условий применения силы, которая должна учитывать случаи террористической угрозы и попрания прав человека.

Во-вторых, делает упор на необходимость демократизации стран, которые до настоящего времени не стали на этот путь, прежде всего арабских государств. При этом он ссылается на связь между демократией и рыночной экономикой как механизмов, способствующих ликвидации крайней бедности.

В-третьих, считает, что в силу несомненного могущества Соединенных Штатов, которое и впредь будет расти, причем даже за счет Европы, необходимы действия, ставящие своей целью соединение мультилатерализма, легализма и универсализма ООН с силой США. В этом контексте Европа и должна стать «цементом, который укрепит это соединение так, что оно начнет действовать» (С. 161). Обновление трансатлантических отношений будет возможно только тогда, когда, как подсказывает автор, Европа признает, что, несмотря на свою экономическую мощь, а также общую внешнюю политику и политику обороны, имеет ограниченные военные способности, а ее безопасность зависит от НАТО и США. Немаловаж-

ным фактором является также возвращение Германии к традиционному союзу с Соединенными Штатами, так как покинутая таким образом Франция не в состоянии будет вести независимую политику. Как подчеркивает Ламо де Эспиноза, «Европа нуждается в Соединенных Штатах больше, чем Соединенные Штаты нуждаются в Европе, а управление миром нуждается в них обоих» (С. 180). Неотъемлемой частью западной цивилизации автор считает также Латинскую Америку, что, вероятно, вызовет возражение исследователей из англосаксонских кругов.

В «Эпилоге для испанцев», являющемся окончанием книги, автор комментирует мадридский теракт 11 марта, который, увы, подтвердил верность его гипотез. Он размышляет на тему результатов парламентских выборов, которые состоялись три дня спустя и которые засвидетельствовали, что «ни одна демократическая страна не может идти на войну, имея против себя большую часть общества» (С. 199).

*Bajo puertas de fuego. El nuevo desorden internacional* – это интересный голос в дискуссии о формирующемся международном порядке. Книга содержит много рефлексий на тему иракского кризиса, который и послужил стимулом для ее написания. В силу нескрываемого проамериканизма автора и поддержки, оказанной правительству Азнара институтом Элькано, книга была довольно холодно встречена в значительной части научных кругов Испании. Что касается польского читателя, критика может быть вызвана оспариванием правовых основ действий США в Ираке. Все это не должно заслонить главную ценность книги, т. е. попытку объективного воззрения на сегодняшнюю международную ситуацию и рефлексии на тему механизмов, которые должны облегчить решение проблем, связанных с новыми угрозами глобального характера. Если проведенный автором анализ международного порядка следовало бы приветствовать, то трудно заключить, найдут ли применение в будущем предложенные им решения проблем, тем более что возможности реформы ООН, как показывает практика последних лет, весьма ограничены, а распространение демократии на арабские страны будет сопряжено со многими препятствиями, а построение трансатлантической связи на таких основах, о которых пишет автор, потребовало бы многих изменений во взаимном подходе друг к другу Европы и Соединенных Штатов.

Akihiro Iwashita, *A 4,000 Kilometer Journey Along the Sino-Russian Border*, Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo 2004, 210 p.

Российско-китайские отношения и их будущее – тема, вызывающая интерес и серьезные разногласия не только в этих двух государствах. Хотя власти в Москве и Пекине хвалятся ныне развитием взаимного стратегического партнерства, подчеркивают свое согласие по самым существенным вопросам мировой политики, указывают на значительный рост торгового оборота, в то же время раздаются достаточно много голосов, предостерегающих перед угрозой российско-китайского конфликта в будущем. Этому могут способствовать растущие диспропорции в потенциале обоих государств. Все более сильный в политическом, экономическом и демографическом отношении Китай на протяжении более четырех тысяч километров соседствуют с погруженной в экономический кризис, становящейся все более безлюдной сибирской и дальневосточной частью России (на российском Дальнем Востоке проживает едва лишь 7 млн. человек – против более 100 млн. в северо-восточном Китае). Часть российских политиков, особенно на местах, уверяет, что пренебрежение опасностью, связанной со все более явной китайской экспансией, может иметь катастрофические последствия для реальной (но и формальной) принадлежности России ее дальневосточных земель.

Оптимизм российских властей и пессимизм полемизирующих с ними публицистов необходимо сопоставлять с по возможности объективным, глубоким анализом отдельных аспектов двусторонних отношений. Примером такого, очень нужного анализа является книга *A 4,000 Kilometer Journey Along the Sino-Russian Border* («4000-километровое путешествие вдоль китайско-российской границы»), автор которой, японский ученый, профессор Акихиро Ивашита, работает в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо. Это англоязычная версия труда, изданного в 2003 г. в Токио по-японски.

Книга Ивашиты не является, как могло бы подсказать заглавие, описанием впечатлений от одного путешествия. Наоборот, это результат тщательной исследовательской работы,

продолжавшейся более десяти лет. А полевые исследования – неотъемлемый, но ничуть не единственный ее элемент. Книга подробным образом оговаривает пограничную проблематику в китайско-российских отношениях и вопросы, связанные с миграционным движением. Автор не только концентрирует внимание на последнем десятилетии, но и представляет необходимый исторический очерк пограничных отношений между КНР и СССР. Книгу дополняют многочисленные карты и собственноручные фотографии автора.

Современная российско-китайская граница была принципиально установлена в Пекинском договоре 1860 г., который в последующие годы китайская сторона подвергала сомнению, поскольку он был заключен в условиях неравноправия. Кроме того, его положения были слишком общи: утверждалось, что граница между государствами проходит по рекам Амур и Уссури, но не устанавливалась принадлежность находящихся на них островов. Именно значительная часть из них представляла собой в последние десятилетия объект взаимных претензий.

Самый сильный пограничный конфликт разгорелся в 1969 г., что на более чем десять лет почти заморозило отношения между двумя коммунистическими державами. Лишь во второй половине 80-х гг. начались пограничные переговоры, которые привели к заключению в 1991 г. советско-китайского пограничного договора, который после распада СССР был ратифицирован Россией. Содержание этого договора и споры, которые возникли в 1991-1997 гг. во время демаркации границы, рассматриваются в первой главе книги.

В последующих частях работы автор также обращает внимание на то, что происходившие во второй половине 80-х гг. пограничные переговоры касались не только границы между Китаем и Россией, но и насчитывающего 3200 км протяженности отрезка в Средней Азии. После роспуска СССР партнерами Китая, кроме России, стали также Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Однако стороны не отказались от формулы многосторонних переговоров, что позже стало основанием для создания т. н. Шанхайской пятерки, преобразованной в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества. Переговоры по вопросу об установлении точного места границы в регионе Средней Азии, однако, имели дифференцированный характер – относительно легко удалось установить казахский и киргизский участок китайской границы

(а также 50-километровый отрезок российско-китайской границы на запад от Монголии), гораздо больше противоречий вызывало китайско-таджикское разграничение.

Вторая глава рассматриваемой книги посвящена противоречиям по вопросу о контроле над рекой Тумен: на преобладающем отрезке своего русла она является китайско-северокорейской границей, а на протяжении последних 18 км перед впадением в Японское море становится границей между КНДР и Россией. Тем самым Китай, а точнее тамошняя провинция Джилин, остается отрезанным от Японского моря и обречен на то, чтобы пользоваться железной дорогой на пути к северокорейским и (в меньшей мере) российским портам. Лишь в уже упомянутом договоре 1991 г. китайцы получили согласие России на судоходство по реке Тумен вплоть до ее устья, однако вследствие подробно описываемой автором двойственной позиции российских властей до сих пор не смогли добиться получения этого права. Китайско-российское соперничество в этом регионе делает невозможной интенсификацию экономического сотрудничества, что с начала 90-х гг. представляло собой одно из главных намерений китайской стороны.

Третья глава посвящена границе на реке Уссури. Автор напоминает самый громкий из вооруженных приграничных инцидентов, когда в марте 1969 г. китайские войска заняли спорный остров Даманский. На протяжении многих лет советская пропаганда, вопреки обидным для себя фактам, отрицала потерю острова. Поэтому, когда в соглашении 1991 г. Россия формально отказалась от претензий на него, это было с возмущением воспринято частью российского общественного мнения как выражение непонятных, далеко идущих уступок, а не как принятие существующего уже более двадцати лет статус-кво.

Ивашита в то же время подтверждает, что в ходе переговоров в начале 90-х гг. именно Россия была более склонна к компромиссам, чем власти в Пекине. По мнению автора, память о китайской агрессии на Даманском усиливала среди российских политических элит опасения перед китайским экспансионизмом и способствовала стремлению к урегулированию пограничных противоречий.

В четвертой и шестой главах автор довольно подробно рассмотрел пограничные проблемы на реках Амур и Аргун, на которых расположено большинство из почти 2500 пригранич-

ных островов. Автор представил свои расчеты, касающиеся российских и китайских претензий, а также способ решения самых важных из них. Он подробно рассмотрел также позиции государств по вопросу о трех все еще спорных островах: Большом на Аргуне, а также Большом Уссурийском и Тарабарове в месте слияния Уссури и Амура. Право на острова и контроль над местом слияния обеих рек (неподалеку находится столица региона – Хабаровск) остается главным камнем преткновения в отношениях двух государств.

Автор при этом подчеркивает, что он смог рассмотреть лишь «верхушку айсберга», а более тщательные исследования требуют доступа к ныне недоступным китайским и советским/российским архивам. «Специалисты в области китайско-российских отношений выдвигали много домыслов и формулировали фантастические объяснения пограничных вопросов, пытаясь анализировать проблематику таких известных спорных территорий, как Хасан, Уссурийск, Даманский и Большой Уссурийский. Это в то же время представляло собой доказательство того, как обрывочные сведения могут становиться основанием ошибочных теорий. Даже эти известные спорные вопросы не были достаточно объяснены (...), еще меньше известно об эпизодах, связанных с другими островами», – пишет Ивашита.

Пятая глава книги посвящена, главным образом, вопросам трансграничных торговых контактов и китайской миграции в Россию. Из обилия привлекаемых Ивашитой статистических данных и описания его собственного опыта возникает портрет российских властей, главным образом, местных, которые, ставя бюрократические преграды, столь же последовательно, сколь безуспешно, пытаются противодействовать китайской активности на Дальнем Востоке России. Автор, впрочем, не подтверждает появляющихся в российских СМИ тревожных данных о миллионе китайцев, постоянно проживающих по российскую сторону границы. По его мнению, большинство из них работает в России временно, а наиболее динамично развивается находящаяся почти полностью в руках китайцев трансграничная торговля («челночная»). В то же время китайские инвестиции в России остаются на низком уровне – в Хабаровском и Приморском крае (до 2002 г.) они достигли соответственно 8,1 и 7,4 млн. долларов. Инвестиции в 2001 г. составляли едва лишь 490 и 200 тыс. долларов.

Китайское присутствие более ощутимо в сфере культуры. Китайские нравы (расталкивание вместо стояния в очереди, плевание в общественных местах, игнорирование правил дорожного движения) начали распространяться на российской территории, что, как пишет Ивашита, «было огромным шоком для русских, в большей или меньшей степени привыкших к западным стандартам поведения».

Представляется, что в рассматриваемой книге пригодилось бы более синтезирующее описание специфики пограничной торговли и явления китайской миграции. Однако это не меняет общей очень высокой оценки представляемой книги. Пограничная тематика в случае отношений между КНР и Россией (ранее СССР) очень трудна с исследовательской точки зрения. На протяжении десятилетий эта тема, будучи необычайно престижной для обоих государств, подвергалась многочисленным фальсификациям. До сих пор, как подчеркивает автор «4000-километрового путешествия...», значительная часть важной информации является недоступной, а открывшиеся сведения необязательно должны вызвать доверие. Кроме того, следует помнить, что иностранный ученый, исследующий приграничную территорию с подробными картами и фотоаппаратом в руках даже сейчас, в эпоху российско-китайского стратегического партнерства, не может благосклонно восприниматься служащими погранвойск. Тем большее удивление вызывает огромный труд профессора Ивашиты и достигнутые им результаты. Книга не дает ответа на все вопросы, связанные с границей, но в ней собрано и упорядочено громадное количество информации. Она должна быть обязательно прочитана всеми, кто интересуется состоянием и будущим китайско-российских отношений.

Адам Эберхардт

Мы редко имеем дело с ситуацией, когда автобиографию издает политик, о котором написано свыше 20 биографий. Да и в политике редко можно встретить столь яркую и в то же время противоречивую личность. Такой был несомненно Хельмут Коля. Один из соавторов объединения Германии. Федеральный канцлер с самым большим стажем. В течение 25 лет председатель Христианско-демократического союза, партии, в которую вступил в возрасте 17 лет. Партии, в которой достиг блистательных успехов, но также партии, которая в конечном итоге заставила его уйти из-за скандала, связанного с ее нелегальным финансированием. Сопоставление приписываемых Х. Колю заслуг и упреков в контексте его работы над автобиографией позволяло надеяться на ознакомление, хотя бы в некоторой мере, с мотивами деятельности канцлера. На понимание обстоятельств, в которых ему пришлось действовать, а также на постижение точки зрения человека, который был одним из создателей новейшей политической истории Германии. Надежда была тем более оправдана, что намерением Коля было, о чем он пишет во введении, выразить свое отношение к легендам, касающимся его жизни и работы.

Чтение воспоминаний Х. Коля очень скоро показывает, сколь тленными являются надежды и ожидания, которые можно было формулировать в контексте создания этого типа книги. Ибо в ней речь идет о промежутке 1930-1982 гг., т. е. о детстве и юности, а также путях партийной карьеры на разных постах в ХДС, завершением чего был пост федерального канцлера. Воспоминания Коля по идее не учитывают периода после 1982 г., следовательно, не описывают самого важного периода его политической активности. Трудно комментировать также первую главу, касающуюся раннего детства и юности, прежде всего потому, что она относится к личным испытаниям автора, к коим следует отнести потерю близких, погибших во время войны. Три остальные главы, представляющие карьеру Коля в парламенте земли Рейнланд-Пфальц, должность премьер-министра этой земли, а также деятельность Коля в качестве депутата бундестага, позволяют всё же высказать несколько замечаний и оценок.

Анализ описания отдельных этапов деятельности Коля в структурах ХДС создает впечатление, что автор представляет читателю написанный с большой точностью отчет члена политической партии. Отчет, в котором очень тщательно описано построение межличностных зависимостей, контактов

в рамках партии и последовательности в создании будущих политических ресурсов. Нельзя, однако, не сказать, что отчет имеет нетворческий характер. Нельзя в нем найти ответа на вопрос, чем двадцатитрехлетний студент, перед которым возникает шанс войти в структуры управления земли одной из самых важных политических партий ФРГ, хотел бы в этой партии заниматься. Отсутствие какой бы то ни было информации об общей идее или хотя бы замысле относительно изменений в контексте политической деятельности не согласуется с содержащимися во введении указаниями насчет роли, которую сыграла атмосфера родного дома в формировании мировоззрения будущего канцлера. Порой, читая книгу, мы приходим к заключению, что приобретенная в доме привязанность к принципам христианских демократов политической деятельности Коля сводится всего лишь к заботе о персональной политике, собственной и той, которая его окружает. Правда, спустя годы Коля подтверждает целесообразность заботы о персональной политике, считая ее достижением. Дело в том, однако, что все равно неизвестно, чему она должна служить, кроме завоевания власти. Превознося персональную политику, Коля умалчивает также о факте, что именно зависимости и личные связи и стали причиной поражения как ХДС, так и самого канцлера в выборах 1998 г.

Столь же заслуживает внимания чаще других появляющийся в методическом отчете об очередных ступенях карьеры элемент, именуемый конфликтом. Конфликтам Х. Коля уделяет особое внимание, не скупясь на исчерпывающие, иногда может и чересчур подробные описания. Они касаются как уровня земли, так и деятельности в бундестаге. С точки зрения исследователя партийной системы ФРГ описание ситуации внутри ХДС, представленное Кодем, является интересным источником информации. Однако автору воспоминаний нельзя не задать вопрос, касающийся эффективности его деятельности по отношению к проводимой им политике, в том числе особо им любимой – персональной, которая, что он сам отмечает, будучи эффективной, не способствовала, однако, ограничению конфликтных ситуаций. Главный конфликт, намеченный в биографии, т. е. спор между Кодем и председателем Христианско-социального союза, премьер-министром земли Бавария Францем Йозефом Штраусом, касающийся поведения ХДС в отношении коалиционной Партии свободных демократов, лишний раз заставляет нас вернуться к

вопросу о картине действий, которые стремился реализовать Коля. Ибо, как представляется, там недостает более широкого комментария, вскрывающего причины разногласий. Их не могли заменить даже самые сочные описания диктаторского стиля правления Штрауса. Здесь же следует отметить, что картина политической жизни сводилась главным образом к вопросам внутреннего функционирования государства. А это, как нам кажется, не пошло книге на пользу, так как – хотя бы в делах общегерманской политики – тогдашний взгляд лидера оппозиции на внешние дела, тем более накануне прихода к власти, был бы весьма интересным.

Чрезвычайно странным в автобиографии Коля представляется то место, которое занимает отношение Коля к собственным слабостям и ошибкам. Упоминается всего лишь солидное телосложение канцлера, над которым тривиально насмехались масс-медиа, открыто, по мнению Коля, благоприятствующие его предшественнику на посту канцлера Хельмуту Шмидту. Надо, однако, отметить факт, что Коля, указывая на атаку политических оппонентов, сам признает, что в пылу политической борьбы прибегал к демагогии. Эта доля самокритики не может изменить оценку воспоминаний в целом. Воспоминаний, которые, несмотря на наивную веру пишущего эти слова, не внесли много нового в общеизвестный этап жизни канцлера. Благодаря использованию в воспоминаниях неопубликованных до настоящего времени документов книга представляет собой важное издание для политологов и германоведов. Менее стенографического описания гораздо более сложной политической реальности Германии 80-х и 90-х гг. придется, однако, подождать, пока свет не увидит вторая, обещанная Колям часть воспоминаний.

*Тытус Яскуловски*